

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

О Б ОДНОЙ роли пишут редко. Так уж повелось. Либо творческий портрет — и тогда обо всем. Либо рецензия на спектакль, и тогда об иных ролях — лишь в перечислении. Мне хочется поговорить об одной — последней работе актрисы Т. Е. Кулагиной.

С НАЧАЛА мы знакомимся с ее героиней заочно: «Бывшая балерина, женщина эксцентричная, с приветом. Посмотришь, как она одевается, — поймешь...» Так — несколько пренебрежительно, иронически-нисходительно аттестует ее в разговоре со своей женой Леонид, герой нового спектакля театра имени М. Ю. Лермонтова «Ретро». Человек он еще совсем молодой, но холодный, нагловатый, обо всем рассуждающий легко и, как говорится, без сантиментов. У него пока еще все мысли в будущем. Пора его «ретро» еще не пришла, хотя трудно бывает определить, когда время, а когда еще не время человеку взглянуть на свое прошлое, не таясь от себя, ответить на все вопросы, которые со всей беспощадностью судьбы и прокурора ставят перед тобой твоя совесть: как жил, что сделал, кому от твоей жизни стало теплей, радостней, светлей. А может, у него и не будет этой святой минуты очищения от скверны эгоизма, безразличия ко всему, кроме собственной персоны? Может, его никогда не придавит своей тяжестью гордыня и суета тщеславия и обывательского благополучия? Не придавит так, что захочет тут же, немедленно, освободиться от этого тягостного гнета. Слишком открыто, откровенно, бесстыдно, откровенно и практичен он в свои двадцать пять лет. Впрочем, разговор не о нем.

Так вот, устами такого человека и представляет нам автор пьесы А. Галин трех немолодых уже героинь — претенденток на руку и сердце testa Леонида.

Дело в том, что молодые люди, чтобы удержать в Москве тоскующего по настоящей работе и своей деревне отца и одновременно избавить свой дом от его удручающего и ломающего привычное их бытие присутствия, решают немедленно женить старика. И устраивают своеобразный парад невест.

Одну из «невест» играет в спектакле заслуженная артистка ЧИАССР Тамара Евгеньевна Кулагина. Играет интересно, впечатляюще, хотя нельзя сказать, что делает она это как-то неожиданно. Нет. Актрисе всегда было свойственно не только стремление к яркой сценической форме, острой характерности поведения и облика ее персонажей, но и точность, вдумчивая определенность социальных характеристик. Разве что проявилось оно, это ее столь разнообразное умение, особенно щедро именно здесь, в этой последней работе.

«Три минуты Мартина Гроу» Г. Боровика (хозяйка шоу) и «Дом Барнарды Альбы» Г. Лорки (Альба) — какие разные пьесы, какие непохожие характеры. Она играла когда-то в обеих. И была в обеих ее героинях страсть, с какой актриса обнажала фанатизм алчности, развращенности и фанатизм властолюбия. Ответ этой страсти угадывался и в иной, совсем, казалось бы, из другого времени, работе актрисы: пьесе «Дело, которому ты служишь» (по роману Ю. Германа). Ее Горбанюк — чиновница от медицины, человек ничтожный, духовно нищий. Да, собственно, актриса играла и не человека. Она рассказывала о явлении. Всякая бездарность завистлива и мстительна.

Но какой же прелестью (в отличие от них) была ее Анячка в «Океане» Штейна! Она вся светилась. Искренняя, чистая, непосредственная, любящая и незащищенная от внезапно свалившихся на нее бед. Мужественно испи-

тив горькую чашу разочарований, обид, измены, она осталась гордой и мудрой в своей любви. Такое всегда удивляет неожиданностью.

Очень сдержанный в жизни, интеллигентный человек, Тамара Евгеньевна умеет быть на сцене шумной и яркой. Но она умеет и другое: прожить в маленькой, почти без слов, роли настолько наполненно и самозабвенно, что становится порой не только центром притяжения зрительского внимания. В сценической версии горьковской драмы «Последние» няня в доме Коломийцевых в исполнении Т. Е. Кулагиной стала камертоном, выверяющим и точность смысловых, и жанровых акцентов в этой постановке И. Гуревича, и общую идею, и чистоту звучания главной интонации сценического повествования.

Испытание ее судом на наших глазах проходят почти все герои унизительного фарса, что вершится в доме Коломийцевых. И суд этот оставляет на каждом особую печать и нашего отношения к персонажам. Ее няня вроде бы только присутствует на сцене. Полудремет, сидя в кресле. Но это лишь внешнее, поверхностное и потому не очень верное впечатление. На фоне беспорядочной суматохи, нравственной смуты всех Коломийцевых, она одна постоянно занята не собой, не бессмысленными разговорами, но делом, нужным другим людям. Привычно снуют спицы в ее натруженных руках. Она уводит успокаивать рыдающую Любу, закрывает покрывалом зеркала, когда умирает Яков. В ней явственно угадывается то, что мы привыкли называть нравственным началом. И актриса отчетливо ведет через весь спектакль эту свою тему, оставаясь и где-то на обочине повествования, не уводя внимание от центральных персонажей.

О СТРАХА характерность и одновременно вот такая зрелая глубина постижения непростых, про-

тиворечивых судеб и явлений жизни, доходящая порой до внезапных откровений, полных драматизма, неизъяснимым образом соединились в новой, последней по времени работе Тамары Евгеньевны в спектакле «Ретро». Экстравагантная с причудами старушка, прожившая бурную свою молодость, привыкшая к поклонению, потому капризная, самоуверенная и взбалмошная, не терпящая никаких возражений, она вызывает поначалу смешанное чувство.

Актриса не жалеет ярких насмешливых красок. Рисунок ее роли отточен и выверен. Острая характерность доведена в нем до гротеска. Все — жесты, удачно придуманная походка, поведение несколько суматошной, несколько беспардонной, не слишком умной особы — рождает в нас и раздражение, и обидную жалость к полудурающему существованию человека перекати-поля.

Исповоль, тонко актриса раскрывает перед нами драму одиночества, ни с чем не сравнимое горе, какое приносит неутоленная жажда искреннего участия, дефицит сердечного тепла. Она не исповедается перед нами, не жалуется. Кажется, все так же бездумно щебечет, с одинаковой легкостью, без точек и запятых, выкладывая и истории мимолетных увлечений молодости, и удивительного себе поклонения, и рассказывая о внезапной смерти сестры, своим страхе, бессоннице и унылом пейзаже, открывающемся из окна ее крошечной угловой комнаты. Но когда она засыпает в кресле внезапно, среди всеобщего гомона, и ее не могут разбудить, вдруг становится страшно: неужели ей так и не придется испытать радость от доброты, бескорыстия, неужели она так и не узнает, какое это великое счастье — заботиться о другом человеке.

Л. КАЛИТА